

Силы
СПЕЦИАЛЬНЫХ
ОПЕРАЦИЙ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ИДУЩИЕ НАПРОЛОМ

Москва 2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-43

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Oleg Zabelin/Фотобанк Лори/PantherMedia/Legion-Media

Зверев, Сергей Иванович.

З-43 Идущие напролом / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Силы специальных операций).

ISBN 978-5-699-84620-7

Военный инструктор Олег Моджерин, прибывший в Африку для обучения местных солдат, по досадной ошибке был похищен мафией, промышляющей скупкой редкоземельных металлов. Офицера держат в плену, пытаясь выяснить, куда он спрятал деньги мафии. Они приняли Олега за другого человека, но извергам объяснить это невозможно. Терпение у палачей кончается, жизнь Олега висит на волоске. Исканная, скупая информация о русском пленнике каким-то чудом доходит до Москвы. По тревоге немедленно поднимают группу российского спецназа «Питон», которой предстоит найти и освободить инструктора из полевой тюрьмы, затерявшейся где-то среди выжженных пустынь и пропыленных саванн...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84620-7

© Чебан А., 2015
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2015

*Силы специальных операций (ССО) —
войска, предназначенные для достижения
политических и экономических целей
в любой географической точке мира,
представляющей интерес для Российской
Федерации. Войска, воюющие
в мирное время.*

Глава 1

КАК НА КАТОРГУ

Самолет трясло, качало и подбрасывало. Хором напуганных истеричек завывали на разные голоса турбины. Гудели под напором воды стекла иллюминаторов. Салон то и дело заливало холодным светом молний. Что-то скрипело, хрустело и трещало, наполняя ощущением надвигающейся катастрофы. Казалось, еще немного, и старая «тушка» развалится на части, рассыпав над Африкой своих немногочисленных пассажиров.

— Эдуард Иннокентиевич! — голосом умирающего позвал Пахомов старшего команды.

Олег напрягся в ожидании очередной шутки. Поначалу они отвлекали от страшных мыслей, а теперь злили. Помолчал бы лучше. Было понятно: таким образом капитан просто пытался подбодрить себя, однако немело спрятанный страх лишь заражал остальных.

— Чего тебе? — Над спинками сидений появилась голова Угрюмова. Его раскрасневшееся и пьяное лицо лоснилось от пота.

Чиновник громко икнул и вымученно уставился заплывшими глазками на капитана. Приклеенные перед вылетом к лысине волосенки теперь стояли вокруг нее хороводом. Угрюмов один летел в строгом

костюме темно-синего цвета. Невзирая на духоту, он лишь ослабил бордовый галстук и расстегнул верхнюю пуговицу белой, в полоску сорочки. Его стойкости можно было позавидовать. Даже жара в Дубае, где делали пересадку на зафрактованный Министерством обороны самолет частной украинской компании, не смогла вытряхнуть его из пиджака. Тем самым он скорее хотел как-то подчеркнуть свою исключительную роль даже внешне. Можно сказать, что это у него получилось с лихвой. На фоне одетых в футболки и джинсы офицеров Угрюмов действительно выделялся. Однако не презентабельной внешностью, как он того хотел, а непотребным видом, вызванным огромным количеством влитого внутрь спиртного. Помутив сознание, оно исказило вокруг него время и пространство, как искажаются эти две физические величины вблизи черных дыр, одновременно усилив краски. С одной стороны, он был как бы в самолете, с другой — растворился в своем, только ему ощущаемом и видимом мире.

Угрюмова представили накануне вылета. Генерал Тарасов, не вникая в подробности, объявил на построении, что помощник заместителя министра по военно-техническому сотрудничеству со странами Центральной Африки сам когда-то носил погоны и на период командировки назначен куратором проекта. Всем предписывалось выполнять его требования так же, как если бы на его месте был старший офицер. В ответ на удивление в глазах подчиненных Тарасов пространно намекнул, что во многих странах даже министры обороны гражданские, однако не стал вспоминать, чем совсем недавно закончился подобный эксперимент в России. Собранные с разных военных

округов офицеры большей частью были преподавателями военных институтов или служили в управлениях частей и относились к интеллектуальной элите армии. За каждым, кроме Угрюмова, был закреплен переводчик, что, по-видимому, подспудно сильно принижало его значимость в собственных глазах, отчего он перед вылетом во всеуслышание объявил, будто в совершенстве знает английский, а во время первой командировки изучил суахили. То, что это, мягко говоря, шутка, всем стало ясно еще в Москве. Пытаясь поприветствовать взошедшего на борт командира и пилотов экипажа из Саудовской Аравии, он их на самом деле отправил куда подальше. Так выяснилось, что лингвистические познания Угрюмова оказались основанными на давно забытом запасе слов школьной программы, который, ко всему, был заметно искажен и подпорчен новомодным трендом на западные выражения. Конфуз, грозивший перерасти в международный скандал, с трудом замяли переводчики. Им удалось убедить пилотов в неправильном произношении Угрюмова. Как говорится, лиха беда начало. А между тем офицерам предстояло провести вместе с чиновником шесть месяцев в далекой Уганде. Задача команды — подготовить из местных кадров высококвалифицированных военных специалистов. Первым делом Угрюмов стал всех «равнять» под одну гребенку. Он долго описывал свои заслуги перед Отечеством, которые заключались в окончании политехнического института с красным дипломом и работе на оборонных предприятиях страны на разных должностях. Потом старший лейтенант запаса пространно намекнул, что все эти должности были лишь косвенно связаны с постройкой и вводом в эксплуатацию новых образцов вооружения. На деле,

как оказалось, Угрюмов в поте лица обеспечивал безопасность страны и защищал ее секреты от иностранных агентов. Все восприняли это скорее с сочувствием, но без лишнего удивления, поскольку появления в команде представителя с такими полномочиями ожидали как само собой разумеющееся. Однако никто так и не смог взять в толк, какие полномочия у чиновника сейчас. Уж слишком неопределенно звучала должность помощника заместителя министра. Ко всему оказалось, что и министерство Угрюмов оставляет по причине приготовленного к подписанию приказа о выдворении его на пенсию.

— Вы уверены, что экипаж ведет себя адекватно? — между тем вызывающе спросил Пахомов. — Может, они решили поиздеваться?

— С чего ты взял? — удивился Угрюмов и часто заморгал глазами.

— Тогда почему они грозовой фронт не обошли? Смотрите, что вытворяют! — едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, Пахомов стал кивать головой: — Вверх, вниз, вверх, вниз... Все кишки растрясли!

— Это они за Крым мстят! — поддержал шутливое обращение Олег, уже сто раз пожалевший, что согласился полететь в эту долбаную Африку. Первым противником была жена, которой предстояло провести полгода одной в Ульяновске. Ей вторила мать, отчего-то решившая, что если его не укусит крокодил, то он обязательно заразится лихорадкой Эбола.

— Завязывайте, — вымученно попросил сидевший у прохода Широков. — Не надоело еще на его закидоны смотреть? Он же сейчас в кабину ломиться станет и точно скандал устроит.

— Раздолбаи! — непонятно в чей адрес выкрикнул Угрюмов, погрозил кому-то пальцем и плюхнулся на сиденье.

— Интересно, он всегда такой? — задумчиво проговорил Монастырский.

Стас был назначен переводчиком Олега. За несколько дней, пока шло формирование команды, острого на язык великана с рыжей шевелюрой как-то незаметно и все сразу стали называть Монах. Если бы не фамилия, могло показаться, что это в насмешку над его характером.

— Скорее, просто летать боится, вот и набрался, — мало надеясь на то, что это так, выдвинул предположение Олег.

— Он сейчас не в состоянии даже бояться, — возразил Монах.

Олег отвернулся в иллюминатор.

Самолет, наконец, пробил свинцовую пелену. Сквозь разрывы водяного Армагеддона внизу стало видно джунгли. Испещренные черными жилами рек, они казались серыми и напоминали застывший пузырями цемент. Ливень терял силу.

— Как бы наша командировка не закончилась, не успев начаться, — подумал вслух Олег, внутренностями ощутив, как самолет вновь провалился вниз. — Самое сложное — это посадка...

— Не каркай, — предостерег Монах. — Мысль материальна.

Самолет зловеще накренился.

— Чего это они?! — напомнил о себе Угрюмов.

Олег приподнялся в кресле настолько, насколько позволил привязной ремень. Этого хватило, чтобы

различить блестящую потом лысину и стоящий вокруг нее хоровод волосиков.

— Как он там? — спросил Монах.

— Сидит. — Олег плюхнулся в кресло. Одновременно самолет вновь провалился, и ему показалось, что это от того, что он неосторожно сел. Олег вновь выглянул в иллюминатор. За это время пейзаж снаружи в корне поменялся. Небо, насколько хватало глаз, было синим, а джунгли сочно-зелеными. Однако трясти от этого меньше не стало.

— Подлетаем! — Угрюмов брел по салону, хватаясь за спинки кресел, и придиричиво оглядывал подчиненных. — Ремни пристегнуть!

— Стюард нашелся, — беззлобно проворчал Монах, шаря руками под сиденьем.

Самолет подбросило, и Угрюмов упал в проходе.

— Почему нас девять? — спросил он, поднявшись с полу. — Кто не полетел?

— Полетели все, только Яблоков вышел, — зачем-то соврал Олег, догадавшись, что чиновник попросту не посчитал себя.

— Где вышел? — запаниковал Угрюмов, одновременно шаря взглядом по салону и пытаясь определить, кто с ним говорит.

— В Дубае. Собирается политическое убежище просить.

— Шутить вздумал, Мозжерин? — Угрюмов, наконец, остановил свой взгляд на Олеге.

— Да какие там шутки? — стал делано возмущаться Широков. — Не выдержал он. Вы же всю дорогу над нами глумитесь.

— Палыч! — навис над креслом Угрюмов. — Они что, издеваются? Где Яблоков?

Полковник Бондаренков был в команде самым старшим и по возрасту, и по званию, а звание доцента кафедры эксплуатации делало его в глазах Угрюмова кем-то вроде полубога.

— Какой еще Яблоков? — недоумевал Бондаренков.

— Как какой?! — Угрюмов погрозил в пустоту пальцем и по складам добавил: — Я глаза и уши министра!

Салон грохнул со смеху.

Угрюмов удивленно хлопал глазами и озирался по сторонам. Казалось, еще немного, и он расплчется.

— Завязывали бы вы пить, — устало вздохнул Бондаренков. — Добром это не кончится.

— Имею право! — воскликнул Угрюмов и обиженно надулся. — Я уже двумя ногами...

Он поперхнулся и схватился за горло.

— В гробу! — попытался подсказать Монах.

— На пенсии! — закончил мысль Угрюмов.

— Чего же полетел? — недоумевал Бондаренков. — Подзаработать решил?

— А ты нет?

— В отличие от вас не мы решаем, а за нас, — резонно заметил полковник.

— Точно! — неожиданно спохватился Монах.

— Чего? — не понял Олег.

— А ведь Угрюмов сейчас, по сути, никто!

— Как это?

— Сам посуди, — Монах наклонился ближе. — Он еще в Москве сказал, что на столе министра лежит приказ о его увольнении, а сейчас конец месяца.

— Сегодня последний день, — уточнил Олег.

— Значит, приказ подписан?

— Возможно, — неуверенно проговорил Олег. — И что, если так?

— А то, — Монах перешел на шепот, — он де-факто старший над нами, а де-юре — никто!

Олег смотрел на профиль Монаха, пытаясь понять, что он хочет этим сказать.

— Такое ощущение, что это сделали специально, — стал объяснять Монах. — Случись что-то в командировке, а с Угрюмова как с гуся вода. Какой спрос с уволенного?

— Ну, ты загнул! — протянул Олег. — Что может с нами произойти?

— Странно все это, — задумчиво проговорил Монах. — Такое ощущение, что он в эту командировку как на каторгу...

Глава 2

ПРОБЛЕМНАЯ СОСЕДКА

Демон свернул в проезд и увидел Перову. Соседка по этажу со всех ног неслась навстречу. Нелепый синий берет сдвинут на затылок, как у дембеля из ВДВ, рот открыт, а круглые очки в черной оправе подпрыгивают на кончике носа в такт шагам. Демону почему-то казалось, что такие давно не носят. Они делали Перову немного наивной и похожей на девочку-подростка с бабушкиных фотографий. Как раз этот бессменный атрибут, а именно его положение на лице, в первую очередь сигнализировал окружающим, что у их обладательницы что-то не так. Хотя, когда она впервые ворвалась к нему в дом, он и вовсе подумал, что дамочка не в себе. Но тогда оказалось, что кот Перовой ка-

ким-то чудом, перебрался по балконам к соседям. Почему-то первым делом она примчалась к нему. Может, попросту перепутала двери?

Сзади Перовой кто-то свистнул и затопал ногами, как будто догоняя. Она взвизгнула и втянула голову в плечи. Раздался дружный хохот сразу нескольких глоток.

Демон расставил руки, и девушка оказалась в его объятиях.

— Ты куда несешься? — Он заглянул в увеличенные стеклами глаза.

— Они! — выдохнула Перова в лицо и попыталась посмотреть назад. Однако нога на нелепом, квадратном, каблуке подвернулась, и девушка повисла на руках Демона.

— Чего? — спросил он и, наконец, увидел Ревуна. Держа руки в карманах брюк, громила шел в компании двух таких же разгильдяев.

— Привет, сосед! — поприветствовал его Демон, продолжая прижимать Перову к себе. — Ты чего людей пугаешь?

— Неужели я такой страшный? — Сутулый верзила с надвинутым на глаза лбом оглянулся на дружков, словно давая возможность получше его разглядеть. — Правда?

— Да нет, — оскалился самый маленький член компании с бритой наголо головой. — Лицо с обложки ре- спектабельного журнала.

— Ты даже такие слова знаешь? — удивился Демон, отпуская девушку и пряча ее себе за спину.

Ревунцова Толика он знает уже по меньшей мере год. Парень после отсидки за вооруженный грабеж поселился в квартире своей покойной матери и сразу